

канья, чтобы появился наконец рядом со мной тот самый, по-настоящему единственный, с которым можно было бы идти за руку до самой смерти!..

Где же ты, половиночка моя неприкаянная? Вот она я!!! Ау!!! Ау! Ну находишься же! Заждалась я уже, почти верить перестала... А может, и нет тебя на этом свете? Может, я — какой-нибудь левый ботинок с витрины, настолько выгоревший от прямых лучей солнца, что для него теперь если и есть где-то на складе предназначенная ему пара, то и она не подойдет, не состыкуется?!

Но и сдаваться в плен кому ни попадя я все равно не согласна! Так что с сегодняшнего дня исправляюсь. Никакого больше романа между нами! Никакого больше Лешки в моей жизни! Пусть не подходит ко мне на пушечный выстрел!!! Ни он! Ни другие! Фу... Стало, кажется, легче. Груза на моих плечах действительно с каждой минутой становилось все меньше.

Свободной, независимой девушкой, неотяжеленной бесперспективным романом и пухлой дамской сумочкой, я шагнула в ледяное месиво, с наслаждением прислушиваясь к хрустнувшему, словно переломанный хребет динозавра, льду под моими ногами.

Шире шаг. Раз. Два. Словно гвозди, забывая каблук в промерзший асфальт, я мужественно преодолевала последние метры моего «славного» пути домой.

Но беда не приходит одна. Неловкое движение, и теперь уже не лед под ногами, а моя лучшая юбка предательски затрещала по шву.

«Понимаю, милая, тяжело удерживать столько выросших на мои бока лишних килограммов. Ну потерпи, потерпи! Теперь уж точно, с горя, запишусь — и на аэробику, и на калланетику... Что там еще выдумано? Аквамучения, диетический массаж!..

Все. Начинаю новую жизнь.

Но! Никакой новой любви, никаких новых мужчин. От них только самооценка падает. Занимаюсь собой, любимой, своим здоровьем, карьерой, конечно... Только бы организация не началась, а то уволят еще... Нет. Никаких плохих мыслей. Один позитив. Все будет хорошо... Ведь правда?»

В надежде (которая опять никак не желала умирать, чтоб ей!) я подняла черные от расплывшейся туши глаза к небу, но оно было напрочь затянуто серыми тучами. Вот так всегда — никакой поддержки от окружающей среды: ни тебе луны ночью, ни тебе солнца днем. Где вы, небесные светила? Хорошо жить на юге, там хотя бы погода радует, а в северных широтах...

Собственно, предаваться философии сил уже не было, но и в подъезд без ключей я попасть все равно не могла. Стояла неммым вопросительным знаком и тыкала на все кнопки кодового замка, вспоминая нужный порядок цифр, в ожидании какой-нибудь соседки. Действительно, из-за угла дома очень скоро вынырнул сосед — молодой и привлекательный новый жилец со второго этажа. Но меня уже тошнило от всех этих молодых и привлекательных, при ближайшем рассмотрении оказывавшихся прынцами высшей категории. Поверишь такому, войдешь с ним в подъезд, а там запросто получишь чем-нибудь тяжелым по голове...

Я пропустила вперед удивленного моим взъерошенно-настороженным видом соседа и, внимательно глядясь в его спину, вошла следом.

В подъезде тускло, но все же светила лампочка. Лифт не работал. Сосед пулей взлетел на свой этаж — похоже, он торопился смотреть последний выпуск криминальной хроники. Сегодня он точно будет вглядываться в мелькающие там подозрительные лица из опасения обнаружить мой фоторобот... А может быть, и он, как я прынцев, боится всяких прынцесс типа меня, неизвестно по какой причине околачивающихся у дверей в темное время суток... Ха-ха! Весело...

Мне надо было всего двумя этажами выше, и все равно без приключений не обошлось. На третьем — с лестничной клетки вылетела собака и перепугала до смерти. Зато рядом с моей квартирой на четвертом этаже по-прежнему находилась квартира самой замечательной соседки на свете и моей лучшей подруги в одном лице. А у Анютки, слава Богу, в целостности и сохранности лежали запасные ключи от моей двери, что было так кстати, так кстати!

Через пять минут я пластом лежала поперек своей кровати с компрессом на голове, бутербродом в руке и сбивчиво жаловалась подружке на свою горькую судьбу.

— А он что? А ты что? А он что? А ты что? — сокрушаясь, причитала Анютка, машинально размешивая для меня давно растворившийся кусочек сахара в кружке горьковато-душистого мятного чая.

А я? Что я? Я ничего. Не хуже других одиноких красавиц, с распахнутыми душами гуляющих по широким просторам родной отчизны.

Прошел денек? Прошел. Ну и что, что отвратительно-неудачный?.. Мы боролись? Боролись. Делали все, что могли? Делали. Значит, чего-то добились. И наверняка хоть чуть-чуть, но приблизилось к нам наше женское — великое и загадочное — «Все будет хорошо!».

Заворачиваясь после горячего душа в нежную махровую шерстку банного халата, я твердила, как древнее заклинание, эти три слова, привораживая светлое будущее. И мой внутренний голос вторил эхом. Все его четыре Противоречивости, а именно: Здравый Смысл, Совесть, Жалость и Вредность — выступали единым фронтом, что бывало крайне редко.

«Все действительно будет! — хором уговаривали они меня. — Надо только определить для себя раз и навсегда, что тебе нужно в этой жизни, и разобраться наконец, кто ты есть на этом свете...»

«Господи, как я устала! Как надоело все... — бурчала я им в ответ. — Надо-е-ло... Надо-е-хоть... Уехать, что ли, куда-нибудь подальше? На Луну бы хорошо, да, говорят, там еще труднее, чем у нас тут, дышится... В деревню к тетке? В глушь, в Саратов? Эх, давно пора, только нет у меня никого нигде, сижу всю жизнь в своем городе, как лягушка в болоте, и квакаю направо-налево... Хотя... Бывают еще и лягушки-путешественницы, кажется?»

Я подошла к зеркалу, вглядываясь в запотевшую поверхность, словно в недосягаемую линию горизонта, туда, где края далекие, теплые, заморские... Но сквозь покрытое мелкими капельками воды Зазеркалье было проблематично разглядеть как дальние сказочные страны, так и ответы на мучившие меня в последнее время вопросы. А пора бы, пора бы уже определить, во имя какой такой благой цели и на какие такие муки я готова пойти в своей жизни... Через несколько дней как-никак стукнет тридцать три. Возраст Христа. ■